

Научное мнение. 2025. № 11. С. 144–154.

Nauchnoe mnenie. 2025. № 11. P. 144–154.

Научная статья

УДК 316.6

DOI: https://doi.org/10.25807/22224378_2025_11_144

**ТЕОРЕТИКО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ МОДЕЛЬ
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ
АЗАРТНЫХ ИГРОКОВ
(В КОНТЕКСТЕ ДИСПОЗИЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ В. А. ЯДОВА)**

Анна Юрьевна Зинина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

anna.zinina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9391-102X>

Аннотация. В статье представлена теоретико-исследовательская модель социально-психологических факторов ресоциализации азартных игроков в постреабилитационный период. Модель разработана в рамках диспозиционной концепции В. А. Ядова и опирается на принцип системной организации регуляторных процессов личности. Зависимость от азартных игр трактуется как дезинтеграция регуляторной системы личности, а ресоциализация — как восстановление, связанное с переходом от внешней детерминации к внутренней автономии и смысловой интеграции. Модель включает четыре уровня: психоэмоциональную стабилизацию, восстановление социальных связей, формирование социальной включенности и ценностно-смысловую интеграцию. Диспозиционная логика «Потребности — Ситуации — Действие» используется для описания гипотетических взаимосвязей между уровнями и служит методологической рамкой системного анализа процессов постреабилитационного восстановления.

Ключевые слова: ресоциализация, азартные игры, саморегуляция личности, диспозиционная концепция, социально-психологические факторы

Благодарности: работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 124032600013-2.

Original article

**A THEORETICAL AND RESEARCH MODEL OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL
FACTORS OF GAMBLERS' RESOCIALISATION
(in the context of V. A. Yadov's dispositional concept)**

Anna Yu. Zinina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

anna.zinina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9391-102X>

Abstract. The article presents a theoretical and research model describing the socio-psychological factors of resocialisation among individuals with gambling addiction in the post-rehabilitation period. The model is developed within the framework of V. A. Yadov's dispositional concept and is based on the principle of the systemic organisation of personality regulatory processes. Gambling addiction is interpreted as a disintegration of self-regulation, whereas resocialisation is understood as the restoration of its coherence — a transition from external determination to internal autonomy and meaning-related integrity. The model comprises

four interrelated levels: psycho-emotional stabilisation, restoration of social ties, formation of social inclusion, and value-semantic integration. The dispositional logic of “Needs — Situations — Action” is applied to describe the hypothetical interrelations between the levels and serves as a methodological framework for the systemic analysis of post-rehabilitation recovery processes.

Keywords: resocialisation, gambling, personality self-regulation, dispositional concept, socio-psychological factors

Acknowledgments: the work was carried out with the support of Saint Petersburg State University, project code 124032600013-2.

Введение

В отечественной социальной психологии традиционно подчеркивается приоритет теоретического обоснования над эмпирическим подтверждением, поскольку осмысленная интерпретация данных возможна лишь на основе заранее выстроенной концептуальной модели, а не постфактум после получения статистических результатов. В этом контексте предварительная теоретическая модель выступает методологическим условием валидной операционализации понятий и корректных исследовательских выводов.

Особое значение этот принцип приобретает при изучении многоуровневых и системно организованных психосоциальных феноменов, когда отсутствие модели приводит к потере смысловых связей и искажению интерпретаций [1; 2]. Поскольку подобные феномены представляют собой сложные регуляторные системы поведения, построение предварительной теоретико-исследовательской модели следует рассматривать как необходимый этап их научного анализа.

Феномен зависимости от азартных игр представляет собой характерный пример многоуровневой системы дезрегуляции, в которой взаимодействуют биологические, психологические, социальные и культурные факторы. Его социально-психологическая природа усиливается цифровизацией досуга, нормализацией игрового поведения и институционализацией игорной индустрии. На уровне последствий зависимость проявляется как регуляторная дезинтеграция — нарушение согласованности аффективных, ког-

нитивных, ролевых и ценностно-смысовых конструктов, что приводит к личностной и социальной дезадаптации. В результате поведение утрачивает внутреннюю детерминацию и начинает определяться внешними триггерами и случайными подкреплениями.

Несмотря на накопление обширного эмпирического материала, социально-психологические аспекты постреабилитационного восстановления остаются разработанными фрагментарно. Существующие подходы преимущественно фокусируются на ресурсной стороне процесса — совокупности личностных, социальных и культурных ресурсов, поддерживающих ремиссию [3; 4], тогда как механизмы их включения в систему саморегуляции личности остаются недостаточно проясненными. Между тем именно согласование внутренних и внешних детерминант обеспечивает возвращение индивида к автономному функционированию и включенности в социальное пространство.

Исходя из этого, ключевая исследовательская задача заключается в разработке теоретико-исследовательской модели, раскрывающей системно-иерархическую организацию социально-психологических факторов ресоциализации азартных игроков. Такая модель позволяет перейти от коррекции отдельных симптомов зависимости к пониманию процессов восстановления внутренней согласованности личности, рассматривая ресоциализацию как многоуровневый процесс системного восстановления, в котором развитие личностной саморегуляции сочетается с возвращением индивида в устойчивое пространство социальных связей, норм и ценностно-смысовых ориентиров.

Игровая зависимость как деформация системы саморегуляции личности

Понимание феномена игровой зависимости требует учета ее двойственной природы — социальной и клинической. С одной стороны, азартная игра институционально закреплена и регулируется правом, что отражено в Федеральном законе № 244-ФЗ (ред. от 22.07.2024 г.) как «основанное на риске соглашение о выигрыше» [5]. С другой стороны, в Международной классификации болезней (МКБ-11) патологическое влечение к игре рассматривается как аддиктивное расстройство, характеризующееся нарушением контроля, доминированием игрового поведения над другими сферами жизни и его продолжением вопреки негативным последствиям [6]. Таким образом, уже на уровне определений подчеркивается регуляторная природа расстройства: смещение центра детерминации поведения из внутренней диспозиционной системы (ценности, целей и норм) во внешнюю сферу стимулов и подкреплений, т. е. утрата способности к саморегуляции.

Современные исследования показывают, что зависимость формируется во взаимосвязи биологических, психологических, социальных и культурных детерминант, функционируя как биопсихосоциальная система, в которой нарушения на одном уровне закономерно отражаются и усиливаются на других [7; 8]. Такое понимание подчеркивает системный характер аддиктивного поведения, позволяя трактовать его не как совокупность симптомов, а как нарушение целостности регуляторно-смысловой системы личности.

На физиологическом уровне зависимость поддерживается изменениями в системе вознаграждения и контроля, нарушающими баланс между мотивацией и торможением [9]. На психологическом уровне выявляются импульсивность, тревожность и устойчивые когнитивные искажения, такие как «иллюзия контроля» и вера в удачу [10]. Социальный уровень проявляется в ослаблении доверия и изоляции [11; 12], а культурный — в нормализации риска и символической легитимации азартного поведения [13]. Цифровая среда усиливает эти процессы, делая игру не-

прерывной, доступной и частично социально одобряемой [14]. Возникает аффективный цикл «напряжение — разрядка — вина — повтор», формирующий иллюзорное ощущение контроля при фактическом нарастании зависимости от внешних стимулов.

Для системного анализа динамики зависимости от азартных игр целесообразно опираться на концептуальную модель Conceptual Framework of Harmful Gambling (CFHG) [15], выделяющую восемь взаимосвязанных детерминант: четыре специфических (игровая среда, воздействие азартных игр, типология игроков, ресурсы помощи) и четыре общих (культурные, социальные, психологические и биологические). CFHG релевантна не только для анализа этиологии вреда, но и как методологическая основа проектирования многоуровневого восстановления. Однако CFHG остается преимущественно этиологической моделью, не раскрывающей закономерности восстановительных процессов и механизмов регуляторной интеграции на постреабилитационном этапе.

В этом контексте особую значимость приобретает построение модели, отражающей обратную динамику восстановления — движение от дезинтеграции регуляторных уровней личности к их согласованности и внутренней автономии. Такая модель должна основываться на понимании зависимости как сложной системы, феноменология которой отражает не совокупность симптомов, а структурную организацию социально-психологических дисфункций, раскрывающую закономерности их возникновения и механизмы реконструкции в процессе ресоциализации.

Переход от общей структуры регуляторной системы к ее конкретным проявлениям позволяет проследить динамику восстановления на различных уровнях личностного функционирования. На аффективном уровне отмечаются повышенная тревожность, низкая стрессоустойчивость и использование игры как средства кратковременного снижения эмоционального напряжения [16]. Ресоциализация на этом этапе предполагает развитие навыков эмоциональной саморегуляции и перестройку способов совладания со стрессом.

На волевом уровне наблюдается дефицит копинг-стратегий и снижение способности к самоконтролю, что ведет к повторяющимся срывам [17]. Защитные механизмы — отрицание, рационализация и вытеснение перестают обслуживать личность и поддерживают систему «Я + зависимость» [18]. Ключевой задачей на этом этапе является перестройка регуляторных диспозиций, обеспечивающая восстановление произвольного контроля, развитие способности к самонаблюдению и осознанному управлению импульсивным поведением.

На социальном уровне фиксируется кризис доверия и нарастающая изоляция, приводящие к ослаблению межличностных связей и снижению поддерживающих ресурсов [19]. Пониженный уровень базового доверия выступает показателем нарушения фундаментального отношения «Я — мир» [20]. Цифровая анонимность онлайн-гемблинга усиливает это отчуждение, а стигматизация снижает готовность обращаться за помощью [21]. Восстановление доверия, принадлежности и социальной включенности, таким образом, становится системообразующим фактором ресоциализации, обеспечивающим реконструкцию связей между личностью и ее социальным окружением.

Мотивационно-ценостный уровень характеризуется внутренним конфликтом между стремлением к контролю и чувством собственной несостоенности, размытостью Я-идеала и ослаблением моральной саморегуляции, что поддерживает ориентацию на внешние, демонстративные формы признания [22]. Ключевой задачей этого этапа становится переориентация смысловых диспозиций и формирование устойчивой системы ценностей, обеспечивающей целостность мотивации и направленность поведения на долгосрочные, внутренне детерминированные цели.

В совокупности такие проявления отражают многоуровневую дезинтеграцию диспозиционной системы личности, где нарушения на одном уровне закономерно усиливают и закрепляют деформации на других. Следовательно, процесс ресоци-

ализации должен пониматься как восстановление функциональных связей между эмоционально-аффективными, волевыми, социальными и ценностно-смысловыми уровнями регуляции.

Такой подход согласуется с логикой триады «социализация — десоциализация — ресоциализация» [23], в рамках которой ресоциализация трактуется не как механическое возвращение в общество, а как внутренняя реконфигурация диспозиционной системы личности, направленная на восстановление субъектности и социальной включенности, а также на формирование смысловой целостности — интегративного уровня саморегуляции, обеспечивающего единство мотивации и ценностных ориентаций [24].

Таким образом, зависимость от азартных игр может быть определена как структурная деформация системы саморегуляции личности, а ресоциализация — как процесс ее функционального восстановления: от психоэмоциональной стабилизации к ценностно-смысловой интеграции. Это понимание задает теоретические основания для построения модели социально-психологических факторов ресоциализации азартных игроков, отражающей иерархическую, но динамически взаимосвязанную структуру восстановительных процессов.

Теоретико-исследовательская модель: диспозиционная логика восстановления

Предлагаемая теоретико-исследовательская модель представляет собой комплексную конструкцию, направленную на систематизацию ключевых социально-психологических факторов, определяющих успешность процесса ресоциализации азартных игроков.

Модель опирается на представление о том, что процесс ресоциализации представляет собой не линейный переход от точки А к точке В, где индикатором ресоциализации является отказ от аддиктивного поведения, а многоуровневый процесс внутренней трансформации личности, включающий перестройку системы установок, восстановление согласованности регуляторных уровней, целостности Я и интеграцию в устойчивые формы социального взаимодействия.

Согласно В. А. Ядову, поведение личности определяется иерархией диспозиций — устойчивых предрасположенностей к действию, формирующихся в ходе социального взаимодействия и жизненного опыта [25]. Каждый уровень диспозиционной системы отражает определенный тип регуляции — от ситуативных установок, опосредующих поведение в конкретных обстоятельствах, до ценностных ориентаций, обеспечивающих осмысленное и целенаправленное взаимодействие с социальным миром.

В классической диспозиционной модели В. А. Ядова регуляция поведения описывается формулой «Ситуации → Диспозиции → Поведение (или деятельность)», отражающей связь между условиями деятельности, внутренними готовностями личности и ее поведенческими проявлениями. При этом диспозиции трактуются как готовности к действию, возникающие при встрече определенного уровня потребностей и соответствующего уровня ситуаций их удовлетворения.

В настоящем исследовании данная схема интерпретируется в расширенном виде — как триада «Потребности — Ситуации — Действие» (П—С—Д), где акцент переносится на процессы внутренней регуляции и осознанного действия, отражающие субъектную активность в условиях постреабилитационного восстановления. Такая модификация сохраняет структурную логику Ядова, но адаптирует ее к анализу динамики восстановления саморегуляции и интеграции личности в социальный контекст.

В адаптации диспозиционной концепции к постреабилитационному контексту ресоциализация рассматривается не как простая смена установок, а как поэтапный процесс восстановления регуляторной целостности личности, включающий согласование диспозиций на разных уровнях — от психоэмоционального до ценностно-смыслового. При этом диспозиционная концепция В. А. Ядова используется в качестве методологической рамки, позволяющей систематизировать ключевые социально-психологические факторы ресоциализации. В такой трактовке модель перестает быть статической иерархией уста-

новок и выступает как динамическая система взаимосвязанных регуляторных механизмов, интегрирующая индивидуально-психологические и социально-контекстуальные аспекты восстановления. Это позволяет избежать редукционизма и обеспечивает целостное понимание процессов постреабилитационной динамики. Применение триады «Потребности (П) — Ситуации (С) — Действие (Д)» выполняет аналитико-структурирующую функцию: она используется не как универсальный принцип описания поведения, а как инструмент логической организации факторов, обеспечивающий переход от теоретических конструктов к операционализируемым показателям на каждом уровне регуляции. Такая структура делает возможным сопоставление и эмпирическую проверку модели.

В отличие от биопсихосоциальной модели, ориентированной преимущественно на этиологию и мультифакторное объяснение аддиктивных расстройств [26], предлагаемая модель раскрывает внутреннюю архитектонику процесса восстановления. Тогда как Conceptual Framework of Harmful Gambling [15] описывает внешние детерминанты и механизмы формирования деструктивных последствий от азартных игр, разработанная в настоящем исследовании модель задает динамическую карту постреабилитационного восстановления — систему регуляторных связей, организованных по диспозиционной логике «П — С — Д» на каждом уровне функционирования.

Адаптация диспозиционной модели В. А. Ядова к контексту ресоциализации позволяет выделить четыре функциональные сферы: психоэмоциональную стабилизацию, социальные связи, социальную включенность и ценностно-смысловую опору. Такая структура согласуется с идеей многомерности восстановления, в рамках которой личностные, социальные и экзистенциальные компоненты взаимно детерминируют друг друга, формируя единую систему реконструкции саморегуляции и субъектности [27; 28].

Структура модели

Предлагаемая модель исходит из предположения, что каждый уровень представляет

собой функционально-автономный, но системно интегрированный конструкт социально-психологических факторов, обеспечивающих восстановление регуляторного баланса личности в процессе ресоциализации. Динамика переходов между уровнями отражает диспозиционную логику, описанную В. А. Ядовым (1975): движение от ситуативно-аффективных форм реагирования к устойчивым ценностно-смысловым образованиям. При этом взаимодействие уровней не носит линейного характера — восстановление верхнего уровня задает нисходящее регуляторное влияние, стабилизирующее эмоциональные и поведенческие механизмы, тогда как нижние уровни формируют эмоционально-мотивационную и социальную основу смысловой интеграции.

В модели нашего исследования личность рассматривается в субъектной парадигме отечественной психологии, акцентирующей ак-

тивность человека как субъекта собственной жизнедеятельности [29; 30]. В этом контексте личность понимается не как объект внешних воздействий, а как активный субъект саморегуляции и смыслополагания, способный к перестройке собственной системы диспозиций. Ресоциализация в данном контексте понимается как форма актуализации функций «Я», обеспечивающих восстановление личностной целостности — от эмоционально-аффективной стабилизации до смысловой интеграции (табл.).

Раскрытие уровней и их взаимосвязей

L1. Психоэмоциональная стабилизация («Я как точка опоры»)

Смысловой центр уровня — восстановление аффективно-волевой регуляции через снижение тревожности, развитие жизнестойкости и формирование проблемно-ориентированных копингов [31]. Ключевые потребности — безопасность, предсказуемость,

Таблица

Модель уровней социально-психологических факторов ресоциализации азартных игроков

Уровень	Содержание	Потребности (П)	Ситуации (С)	Действие (Д)
L1. Психоэмоциональная стабилизация	«Я как точка опоры»: восстановление эмоциональной устойчивости и самоконтроля	Безопасность, предсказуемость, самопринятие	Стресс, фрустрация, цифровые стимулы	Проблемно-ориентированное совладание, развитие саморегуляции
L2. Социальные связи	«Я среди близких»: укрепление доверия и чувства принадлежности	Принятие, эмоциональная близость, взаимное доверие	Межличностные конфликты, семейные отношения, группы поддержки	Открытая коммуникация, восстановление связей, участие в сетях взаимопомощи
L3. Социальная включенность	«Я и общество»: возвращение к социальным ролям и ответственности	Компетентность, автономия, признание	Работа, обучение, общественная деятельность	Стабильная занятость, соблюдение норм, просоциальное поведение
L4. Ценностно-смысловая опора	«Я как смысл»: переосмысление опыта и формирование жизненных целей	Смысл, цель, достоинство, самореализация	Рефлексия, моральный выбор, ценностно-ориентированные практики	Постановка долгосрочных целей, поддержание ремиссии как личной ценности

контроль и самопринятие. На этом этапе личность осваивает перенос сформированных в реабилитационной среде навыков саморегуляции в условия повседневной жизни, учится удерживать внутреннюю устойчивость при столкновении с неопределенностью и внешними триггерами. Это обеспечивает переход от терапевтически поддерживаемого контроля к автономному самоуправлению и становится базой для последующего социального включения. В диспозиционной логике В. А. Ядова уровень соответствует элементарным (ситуативным) диспозициям, регулирующим поведение в конкретных стрессогенных обстоятельствах и обеспечивающим адаптивное реагирование.

L2. Социальные связи («Я среди близких»)

Смысловой центр — восстановление доверия, принадлежности и семейной идентичности. Уровень отражает интерактивно-реляционные механизмы ресоциализации, обеспечивающие формирование и поддержку социальных привязанностей, которые выполняют буферную функцию и снижают риск рецидива [32]. Формируется трехконтурная структура доверия — к себе, к другим и к миру [33]. Типичные ситуации включают взаимодействие в семье, участие в группах взаимопомощи, развитие эмпатии и открытой коммуникации. Поведенческий уровень выражается как переход от изоляции к просоциальным формам общения и взаимопомощи. В диспозиционной иерархии В. А. Ядова уровень соответствует социально фиксированным установкам, обеспечивающим устойчивость межличностных отношений и эмоциональную включенность в микросоциальную среду.

L3. Социальная включенность («Я и общество»)

Смысловой центр — восстановление социальной идентичности и ролево-нормативной вовлеченности. Этот уровень отражает институциональные и нормативные механизмы ресоциализации, обеспечивающие восстановление социальной идентичности через идентификацию и интернализацию трудовых, образовательных и гражданских ролей [34]. На

этом этапе внешняя дисциплина («так нужно») постепенно интериоризуется в систему внутренних стандартов («так правильно»), что отражает переход от внешне детерминированного поведения к автономной мотивации в логике теории самодетерминации [35]. На этом уровне проявляется переход от внешне детерминированного к внутренне мотивированному социальному поведению, который выражается в регулярной занятости, соблюдении норм и их осознанном принятии ролевых и гражданских обязательств. В диспозиционной логике В. А. Ядова ему соответствуют базовые социальные установки, обеспечивающие включенность личности в социальные институты и формирование устойчивых форм общественного участия.

L4. Ценностно-смысловая интеграция («Я как смысл»)

Смысловой центр — переосмысление жизненного опыта и формирование новой идентичности «здоровый Я». Уровень отражает реконструкцию смысловой системы личности, в рамках которой человек выстраивает личную историю восстановления. Здесь поведение регулируется внутренними ценностями и личностными смыслами, формируется экзистенциальная опора — внутренний механизм согласования индивидуальных целей с социальными и моральными ценностями [36]. Достижение устойчивого субъективного благополучия трактуется как результат согласованности с собой, другими и миром [37]. L4 выполняет функцию смыслового ядра всей системы: оно обеспечивает нисходящее влияние на нижние уровни, координируя их в рамках целостной модели саморегуляции. В диспозиционной системе В. А. Ядова этот уровень соответствует ценностным ориентациям — высшей ступени регуляции, на которой внешние нормы интериоризируются в личностные смыслы и обеспечивают внутреннюю автономию.

Переходы между уровнями носят не линейный, а взаимозависимый характер: каждый следующий уровень формируется на основе стабилизации предыдущего и обеспечивает его дальнейшую координацию. Таким образом, представленные уровни —

«Я как точка опоры» → «Я среди близких» → «Я и общество» → «Я как смысл» — образуют взаимосвязанную систему социально-психологических факторов ресоциализации.

Модель отражает диспозиционную логику восстановления, в которой эмоционально-аффективные, социальные и ценностно-смысловые регуляторы функционируют во взаимной поддержке, обеспечивая динамическое равновесие и постепенное восстановление личностной и социальной целостности.

Такое понимание задает методологические основания для дальнейшей операционализации факторов ресоциализации и построения эмпирической модели, направленной на верификацию предполагаемых взаимосвязей.

Механизмы операционализации и взаимовлияния уровней

Триада «Потребности — Ситуации — Действие» используется не как жесткая типология, а как мета-структура для генерации исследовательских гипотез. Для каждого уровня она позволяет определить:

- *ключевые конструкты* (например, для L1 — жизнестойкость, тревожность, импульсивность);
- *гипотетические механизмы изменений* (когнитивная переоценка, развитие навыков совладания, формирование доверия);
- *контекст и поведенческие индикаторы* (отказ от игры при стрессе, участие в группах поддержки, включенность в трудовую деятельность).

Такое понимание делает модель операционализируемой и открытой для эмпирической проверки.

Предложенные связи между уровнями носят гипотетический характер и отражают возможные направления взаимного влияния:

- *L2 → L1*: укрепление социальных связей предположительно способствует снижению тревожности и повышению эффективности копинга за счет социальной поддержки и обратной связи;

- *L4 → L3*: ценностно-смысловая интеграция предположительно усиливает внутреннюю мотивацию и способствует переходу от внешней дисциплины к осознанной самореализации;

- *L1 → L4*: недостаточная саморегуляция на аффективном уровне предположительно ограничивает доступ к рефлексии и смыслообразованию.

Эти взаимовлияния отражают принцип взаимной детерминации: нижние уровни задают эмоционально-мотивационную и социальную основу регуляции, а высшие обеспечивают ее смысловую координацию и устойчивость.

Выводы

Разработанная теоретико-исследовательская модель социально-психологических факторов ресоциализации азартных игроков, отражает многоуровневую организацию постреабилитационного восстановления личности. В ее основе лежит диспозиционная концепция В. А. Ядова, что позволяет рассматривать ресоциализацию как процесс перестройки взаимосвязанных регуляторных факторов — от психоэмоциональной стабилизации до ценностно-смысловой интеграции.

Модель демонстрирует, что успешная ресоциализация не сводится к прекращению аддиктивного поведения, а представляет собой процесс системного восстановления согласованности между внутренними механизмами саморегуляции и внешними формами социальной включенности. Она включает четыре взаимосвязанные функциональные сферы: психоэмоциональную стабилизацию, восстановление и развитие социальных связей, формирование социальной включенности и укрепление ценностно-смысловой опоры личности. Построенная в русле отечественных методологических принципов системности и комплексности, модель интегрирует индивидуально-психологические и социально-контекстуальные аспекты восстановления, раскрывая внутреннюю структуру и взаимную детерминацию факторов на разных уровнях функционирования.

Исследовательская ценность модели состоит в возможности операционализации через систему индикаторов на каждом уровне, что позволяет использовать ее для диагностики, мониторинга и оценки эффектив-

ности постреабилитационных программ. Кроме того, модель задает теоретические основания для сравнения и сопоставления результатов различных эмпирических исследований, направленных на изучение механизмов восстановления субъектности и социальной адаптации лиц с аддиктивным поведением.

Таким образом, предложенная теоретико-исследовательская модель формирует концептуальный и исследовательский каркас для дальнейших фундаментальных и прикладных исследований ресоциализации как процесса системного восстановления личностной автономии, социальной включенности и смысловой целостности.

Список источников

1. Чикер В. А. Структура и стадии исследовательского процесса в социальной психологии / В. А. Чикер, Л. Г. Почебут // Психологическое знание: стадии исследовательского процесса: Сборник статей / А. Л. Журавлев и др. ред. Москва: Институт психологии РАН, 2023. С. 139–163. EDN XSZUHA.
2. Fischer R. Why we need to rethink measurement invariance: The role of measurement invariance for psychological science / R. Fischer, J. A. Karl, M. Luczak-Roesch, L. Hartle // Open Science Framework. 2024.
3. Best D., Hennessy E. A. The science of recovery capital: Where do we go from here? // Addiction. 2022. Vol. 117. №. 4. P. 1139–1145. <https://doi.org/10.1111/add.15732>
4. Braus N., Kewitz S., Hunger-Schoppe C. The complex dynamics of resources and maintaining factors in social networks for alcohol-use disorders: a cross-sectional study // Frontiers in psychology. 2022. Vol. 13. P. 804567.
5. Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2006 № 244-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/ (дата обращения: 16.09.2025).
6. Edition F. et al. Diagnostic and statistical manual of mental disorders // Am Psychiatric Assoc. 2013. Vol. 21. №. 21. P. 591–643.
7. Engel G. L. The need for a new medical model: a challenge for biomedicine // Psychodynamic psychiatry. 2012. Vol. 40. №. 3. P. 377–396.
8. Raylu N., Oei T. P. S. Pathological gambling: A comprehensive review // Clinical psychology review. 2002. Vol. 22. №. 7. P. 1009–1061.
9. Ferrer-Pérez C., Montagud-Romero S., Blanco-Gandía M. C. Neurobiological theories of addiction: a comprehensive review // Psychoactives. 2024. Vol. 3. №. 1. P. 35–47. <https://doi.org/10.3390/psychoactives3010003>
10. Sancho M. et al. Impulsivity, emotion regulation, cognitive distortions and attentional bias in a spanish sample of gambling disorder patients: Comparison between online and land-based gambling // International journal of environmental research and public health. 2021. Vol. 18. № 9. P. 4869.
11. Beckert J., Lutter M. Why the poor play the lottery: Sociological approaches to explaining class-based lottery play // Sociology. 2013. Vol. 47. №. 6. P. 1152–1170.
12. Lutter M., Tisch D., Beckert J. Social explanations of lottery play: New evidence based on national survey data // Journal of gambling studies. 2018. Vol. 34. №. 4. P. 1185–1203.
13. Russell A. M. T., Langham E., Hing N. Social influences normalize gambling-related harm among higher risk gamblers // Journal of Behavioral Addictions. 2018. Vol. 7. №. 4. P. 1100–1111.
14. Moravec V. et al. From Clicks to Bets: How Social Media Engagement Influences Gambling Severity—Cross-Sectional Research // INQUIRY: The Journal of Health Care Organization, Provision, and Financing. 2025. Vol. 62.

15. Abbott M. W. et al. Conceptual framework of harmful gambling //Guelph, Ontario: Gambling Research Exchange Ontario (GREO). 2018. <https://doi.org/10.11575/PRISM/43603>
16. Artemi T. F. et al. Emotion (Dys) Regulation Mediates the Link between Psychological Distress and Problem Gambling: Evaluation of the Moderating effect of Gender // European Addiction Research. 2025. 31 (4): 221–231.
17. Alaba-Ekpo O., Caudwell K. M., Flack M. Examining the strength of the association between problem gambling and gambling to escape. A systematic review and meta-analysis //International Journal of Mental Health and Addiction. 2024. P. 1–16.
18. Ханзян Э. Дж. Уязвимость сферы саморегуляции у аддиктивных больных: возможные методы лечения // Психология и лечение зависимого поведения / Под ред. С. Даулинга, М.: Издательская фирма «Класс», 2000. С. 28–54.
19. Zinina A. Y., Gurieva S. D. Transformation of relationships between time perspective and life-sense orientations in people with gambling disorder in a rehabilitation setting // Journal of Gambling Issues. 2024. Vol. 54. 18 p.
20. Hancock P. A. et al. How and why humans trust: A meta-analysis and elaborated model // Frontiers in psychology. 2023. Vol. 14.
21. Hing N., Russell A. M. T., Gainsbury S. M. Unpacking the public stigma of problem gambling: The process of stigma creation and predictors of social distancing //Journal of Behavioral Addictions. 2016. Vol. 5. №. 3. P. 448–456.
22. Бобров А. Е., Кузнецова-Морева Е. А. Личностные особенности больных алкоголизмом и азартным расстройством // Ученые записки СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова. 2008. Т. 15. № 1. С. 153.
23. Танатова Д. К., Зязин С. Ю., Лескова И. В. Понятийно-терминологическая триада «социализация-десоциализация-ресоциализация» и обозначаемый этими терминами круг явлений социокультурного характера // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. Т. 11. №. 2. С. 1–1.
24. Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Москва: Академия, 2009. 304 с.
25. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 89–105.
26. Chang R. S. et al. Biopsychosocial factors of gaming disorder: a systematic review employing screening tools with well-defined psychometric properties // Frontiers in psychiatry. 2023. Vol. 14.
27. Kelly J. F. et al. One-stop shopping for recovery? A systematic review of the evidence on US recovery community centers // Journal of Substance Use and Addiction Treatment. 2025.
28. Francis M. W., McCutcheon V. V., Farkas K. J. Social processes during recovery: An expansion of Kelly and Hoeppner's biaxial formulation of recovery //Addiction research & theory. 2023. Vol. 31. №. 6. P. 416–423.
29. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Izd. Leningradskogo universiteta. 1968. Original article
30. Леонтьев А. Н., Леонтьев А. Н. Деятельность. сознание. личность. М.: Политиздат, 1975.
31. Maddi S. R. Turning stressful circumstances into resilient growth. Springer. 2013.
32. Cohen S., Wills T. A. Stress, social support, and the buffering hypothesis // Psychological bulletin. 1985. Vol. 98. №. 2. P. 310.
33. Скрипкина Т. П. Психология доверия. М.: Академия, 2000. 264 с.
34. Keller R. The social construction of knowledge // The Sociology of Knowledge Approach to Discourse: Foundations, Concepts and Tools for a Research Programme. Cham: Springer International Publishing, 2024. P. 41–68.

35. Deci E. L., Ryan R. M. The “what” and “why” of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // Psychological inquiry. 2000. Vol. 11. №. 4. P. 227–268.

36. Леонтьев Д. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. Litres, 2022.

37. Шамионов Р. М. Самосознание и субъективное благополучие личности // Проблемы социальной психологии личности / под ред. Р. М. Шамионова. Саратов: СГУ им. Н. Г. Чернышевского. 2008. С. 36–41.

Статья поступила в редакцию 20.10.2025; одобрена после рецензирования 19.11.2025; принята к публикации 21.11.2025.

The article was submitted 20.10.2025; approved after reviewing 19.11.2025; accepted for publication 21.11.2025.

Информация об авторе:

А. Ю. Зинина — младший научный сотрудник кафедры социальной психологии.

Information about the Author:

A. Yu. Zinina — junior research assistant at the Department of Social Psychology.